

Таким образом, на основании всего одного дела из фонда Отдела химической промышленности Витебского губернского Совета народного хозяйства можно составить краткую историческую справку о деятельности целой отрасли, что подтверждает тот факт, что документы являются довольно информативными и представляют собой ценный источник по истории промышленных предприятий Витебской губернии в первые послереволюционные годы.

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 2359. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАВт. – Ф. 123. Оп. 3. Д. 1451. Л. 4, 89, 105об.

Слущкая Л.В. **БЕЛОРУСЫ ЛИТВЫ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ФРАНЦИИ (1918–1923 ГГ.)**

Белорусы и литовцы долгое время жили бок о бок в рамках различных государственных образований: Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, что не могло не отразиться на национально-культурной специфике пограничных территорий Литвы. Белорусско-литовское пограничье формировалось под влиянием исторических, геополитических, этнических, религиозных, культурных и языковых факторов.

Культурная, демографическая и конфессиональная гетерогенность белорусско-литовского пограничья, расположение данного региона на стыке ментального влияния как Запада, так и России и Польши, породили «дрейф этничности», при котором человек пограничья может одновременно отождествлять себя с разными этническими группами. Такой феномен можно увидеть у белорусов Литвы после распада Российской империи и провозглашения независимости государствами Балтийского региона.

В данной работе на основе анализа документов Дипломатического и Военного архивов Французской Республики рассматривается участие белорусских представителей в литовской политике с 1918 г. до 1923 г. За исходный рубеж принято провозглашение независимости Литвы 16 февраля 1918 г., конечная дата связана с изменением политики литовского правительства в отношении национальных меньшинств.

В Дипломатическом архиве Министерства иностранных дел Франции в рамках документов по Европе межвоенного периода – «*Europe 1918–1929*» (*Europe 1918–1929*) есть отдельный фонд «*Litwa*» (*Lithuanie*). Данный фонд включает не только материалы, раскрывающие основные направления внутренней и внешней политики Литвы, но и документы, в которых представлена деятельность членов Министерства по белорусским делам при Литовском правительстве, а также документы, непосредственно связанные с современными белорусскими территориями.

Основной массив документов, в той или иной степени затрагивающих деятельность белорусов в Литве в рассматриваемый период, представлен практически в каждом деле фонда. Однако больше всего документов, затрагивающих участие белорусов в политической и культурной жизни Литвы, находится в делах, охватывающих период 1919–1921 гг.

Следует отметить, что термин «Беларусь» по-разному употребляется в архивных документах: *Les Blanc-Ruthènes*, *La Blanche Ruthenie* либо *La Russie-Blanche*, что в дословном переводе означает «Белая Русь», «Белая Россия». В данной статье употребляется современное сокращенное официальное название страны – Беларусь.

Значимость белорусских представителей на начальном этапе утверждения литовской государственности определяется рядом действий правительства Литвы. Уже в декабре 1918 г. был назначен министр по белорусским делам (без портфеля), в начале 1919 г. белорусские представители вошли в состав Тарибы, а также в состав литовской делегации на Версальской конференции. Доклад литовских представителей на конференции («Ситуация в Литве») подчеркивает важность белорусских территорий и населения для политического руководства Литвы: «Нестабильность границ, определенные выступления белорусского Комитета в пользу союза с этнографической Литвой, амбиции некоторых литовских политиков и сам состав последней Тарибы делают Беларусь (правительство Витебска, Могилева, Минска, юго-западные области Виленской губернии и северо-запад Гродненской губернии) важным элементом всех литовских проблем» [1, р. 120].

В Париж были направлены Министр по делам Беларуси Язеп Воронко и секретарь Доминик Семашко, которые работали на конференции «в полном равенстве прав с Литовской делегацией» [2, р. 176]. В ходе Версальской конференции Семашко последовательно отстаивал идею возрождения ВКЛ и выступал против объединения Беларуси с Польшей: «Белорусы, проживающие в Литве с незапамятных времен, считают своим долгом объединиться с литовцами для возрождения общего литовского государства и защищать его независимость извне» [2, р. 175]. Литва, в свою очередь, «должна защищать права белорусского населения и противодействовать объединению белорусских

территорий Гродненской губернии (район Сокола, Бельска и Белостока) с Польшей» [2, р. 175], поскольку отмечал Семашко, как «показывает опыт» польские войска на территории Гродненской губернии «грубо обращались с белорусским мирным сельским населением» [3, р. 67]. Согласно другим утверждениям Семашко, Гродненская губерния экономически и культурно всегда была единым целым с Литвой, понимаемой как исторически литовские территории, и потому должна войти в ее состав. В августе 1919 г. Семашко обратился к Председателю Литовской делегации на мирной конференции с просьбой довести до сведения глав государств Антанты информацию о «преследованиях со стороны польских властей, которым с некоторого времени подвергается белорусское население Гродно, Вильнюса, Белостока, Волковыска и других территорий, оккупированных польскими войсками» [4, р. 69]. Семашко также направил протест против произвола поляков по отношению к белорусскому населению на оккупированных ими территориях полковнику Ребулю: «заклучение в тюрьму политических лидеров белорусов, их священников, подавление белорусских газет, вывесок, написанных на русском и т.д.», заметив, что «если поляки немедленно не изменят свое поведение, досадные инциденты, могут быть выгодны русским большевикам», – констатировал он [4, р. 70]. Отчет главы Французской военной миссии в Литве, полковника Ребуля, подтверждает сведения Семашко о враждебной политике, проводимой польскими военными по отношению к белорусскому населению. «Белорусы требуют, чтобы поляки отпустили на свободу белорусских офицеров, и чтобы оружие полка, конфискованное поляками, было передано литовскому правительству», а «комиссия Антанты должна провести расследование действий поляков в Гродно», – отмечал Ребуль [5, р. 118–119]. После завершения Парижской конференции белорусские территории оказались «яблоком раздора» более сильных держав, которые используя историческое прошлое, обосновывали свои притязания на Беларусь. Впрочем, отсутствие единства «по вопросу политического статуса их этнических территорий...» в рядах белорусских национальных сил способствовало стремлению найти поддержку своих националистических проектов у соседних государств – России, Польши, Литвы.

Глава французской военной миссии в Литве, полковник Ребуль в ежедневном отчете выделял две тенденции, распространенные среди белорусов: «первая представлена Воронко, министром по белорусским делам в Литовском правительстве и состоит в том, что белорусские депутаты из Гродно и Вильно должны составить единый блок с литовцами... Вторая хочет, чтобы Гродненский и Виленский уезды считались белорусскими..., а белорусское правительство должно вести дела с литовским на равных и подписывать с ним соглашения уже сейчас» [6, р. 15]. Относительно второй тенденции Ребуль подчеркивал, что «среди сторонников этого последнего тезиса многие бесспорно добросовестны, но некоторые безусловно, являются агентами Германии, пытающимися еще больше осложнить и без того достаточно запутанную ситуацию» [6, р. 15].

В аналитической заметке 1920 г. о Литве и Беларуси (литовские и польские требования), сохранившейся в фондах архива МИД Франции, раскрыты литовские территориальные притязания: «под исторической Литвой мы обычно подразумеваем территории бывшей Российской империи, называемые Ковенской губернией (ранее Жемайтия), Гродно, Вильно и Минск, а также более восточную часть Могилевской губернии и Витебска, который в действительности представляют собой правительство Минска, что называется Беларусью» [7, р. 29]. К сожалению, установить авторство этой записки невозможно, поскольку она представлена без подписи и адресата. В этом же документе утверждалось, что «выбирая между жестокой анархией большевиков и режимом порядка, к которому относится последовательная польская оккупация, ...белорусские крестьяне, умело работающие на польских собственниках, в абсолютном большинстве выскажутся за присоединение Беларуси к Польше» [7, р. 31 об.]. Данные документы подчеркивают, как сложно или даже невозможно провести черту между проживающими по соседству народами, основываясь на их этнической или культурной отличительности. Граница между идентичностями и культурами соседствующих этнических групп, как правило, не бывает четкой, она размыта. Французский аббат Ш. Кёне, посетивший Литву на рубеже 1920–1921 гг. по приглашению лидеров литовской Христианско-демократической партии так описывал белорусское население Вильно: «Белорусская группа, которая могла бы быть самой сильной, была полонизирована и в данный момент не осознает свою белорусскую национальность; более того, она начинает действовать под влиянием белорусского духовенства, пробуждаясь к национальной жизни; многие белорусские священники уже попросили у епископа Вильно разрешения проповедовать на белорусском языке; литовский епископ, сохранявший нейтралитет, до сих пор отказывает им в этом разрешении. Белорусский элемент еще аморфен...» [8, с. 416].

В апреле 1920 г. в Литве прошли выборы в Учредительный Сейм, в результате которых ни один белорус не был представлен в Сейме, что подчеркивает эволюцию литовской политики в сторону национальной государственности.

После признания *de facto* и *de jure* Литовской Республики в 1922 г. европейскими государствами представители национальных меньшинств утратили свою роль активного участника политиче-

ских процессов в жизни Литвы. Это отразилось и на деятельности белорусов при литовском правительстве: в конце 1923 г. из государственного бюджета была вычеркнута статья расходов на министра по белорусским делам.

Политические лидеры того времени (литовские, польские, большевики, белогвардейцы) стремились склонить представителей национальных меньшинств спорных территорий на свою сторону. Во французских архивных документах просматривается стремление нивелировать значимость белорусского вопроса, который к 1923 г. ушел с повестки дня как внутренней, так и внешней политики Литвы. Можно согласиться с мнением литовского историка Э. Гимжаускаса о том, что «литовцы обычно старались использовать белорусов только как дипломатическо-политический инструмент для реализации своих этнографических проектов...» [9, с. 202].

Таким образом, белорусы всегда играли значимую роль в политической и культурной жизни Литвы. Эта роль отчетливо прослеживается в условиях утверждения литовской государственности после Первой мировой войны. Документы Дипломатического и Военного архивов Франции наглядно подтверждают значимость белорусского элемента в политической жизни Литвы после провозглашения независимости в 1918 г. до упразднения министерства по белорусским делам в 1923 г., немногочисленные члены которого были сторонниками союза белорусов с Литвой.

1. Archives du Ministère français des Affaires étrangères (AMAE). – Série: Europe 1918–1940. Lituanie. Vol. 2 Situation en Lituanie. 13 mars 1919.
2. AMAE. – Lituanie. Vol. 57. Memoire relatif aux Blancs-Russiens de l'Etat de Lituanie.
3. AMAE. – Lituanie. Vol. 2. A Monsieur le Ministre des Affaires étrangères de Lituanie.
4. AMAE. – Lituanie. Vol. 4. A Monsieur le Président de la Délégation de Lituanie à la Conférence de la Paix
5. AMAE. – Lituanie. Vol. 4. 23-ème rapport hebdomadaire. Note sur la Blanche Ruthénie. 22.08.1919; Annexe XI.
6. AMAE. – Lituanie. Vol. 4. 20-ème rapport hebdomadaire. Note sur la Blanche Ruthénie. 07.08.1919.
7. AMAE. – Lituanie. Vol. 6. Note sur la Lituanie et la Russie Blanche (Revendications lituaniennes et polonaises).
8. Слуцкая, Л. В. «Христианская дипломатия» Шарля Кене: в поисках франко-литовского сближения. Заметки Шарля Кёне о поездке в Литву 27 декабря 1920 – 14 января 1921 / Л. В. Слуцкая // *Przegląd Środkowo-Wschodni*. – 2020 – № 5. – С. 397–418.
9. Гімжаўскас, Э. Беларускі фактар пры фармаванні літоўскай дзяржавы ў 1915–1923 гг. / Э. Гімжаўскас. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – 216 с.

Котович Т.В.

ВИТЕБСКИЙ ТРАКТАТ КАЗИМИРА МАЛЕВИЧА «БОГ НЕ СКИНУТ»

Материал о витебском трактате Казимира Малевича «Бог не скинут» основан на архивных источниках, письмах, личных воспоминаниях современников, афишах и самом тексте философского трактата.

Бэкграунд/«сценография» создания философского проекта были достаточно драматичными. Гражданская война и страшный бандитизм (с 1918 года в Витебской губернии в целом и отдельных населенных пунктах ввиду бандитизма неоднократно вводилось военное положение. Это влекло за собой ограничение передвижения, введение запретов отдельным лицам на пребывание в определённой местности. За малейшие подозрения в участии в бандитских налётах объявлялся расстрел на месте [1]) – продолжались в Витебске на протяжении всего долгого периода. Но это становилось, пожалуй, всего только вынужденным оформлением происходящего и внутри школы Малевича, и внутри персонального мира Малевича:

«Комната, в которой я живу, имеет <такой> вид, что получаешь впечатление сидения в Москве; в ней нет ничего, что бы могло напомнить глухую провинцию, но когда выйдешь на улицу, все заговорит о том, что далеко находишься от оси вращения и что всё, видимое здесь, только чутко заострило рупор ушей и ровняет тело свое по голосу еле доносящегося центра. Видишь, как всё напрягается и бежит, как ручей в обширное море, чтобы исчезнуть со всей своей индивидуальностью и умом, расплыть крупички ума в котле разума город» (Из письма К. Малевича к М.О. Гершензону от 14 ноября 1919 года из Витебска в Москву) [2].

«Сейчас же я написал самую большую записку «Супрематизм как беспредметность», в которой выделяю в первенство непрактичность и обрушиваюсь целиком на всю предметную культуру <...> Это издание завершило бы двадцать пять лет моей живописной работы и размышлений над ней» (из письма к М.О. Гершензону от 11 февраля 1922 года из Витебска) [3].

Характеризуя этот труд, Иван Ключ, товарищ и сподвижник К. Малевича, художник-авангардист и теоретик искусства позже вспоминал: «В Витебске еще Малевич издал небольшую книжонку «Бог не скинут», в которой он, исходя из того, что новейший микроскоп, увеличивающий в десятки тысяч раз, разложил «атом» и выявил «микрон», который продержится до следующего усовершенствования микроскопа (и так без конца, до полной беспредметности мира) – он утверждает, что еще неизвестно, есть Бог или его нет, во всяком случае бог еще не сброшен. Книж-